

Аянян А.Н., Кончаловская М.М., Полева Н.С.

Связь представлений о будущем с профессиональной реализацией
и precariousностью представителей поколения Z
(на основе исследования студентов и работников педагогической
сферы)

Ayanyan A.N., Konchalovskaya M.M., Poleva N. S.

Relationship of perceptions of the future with professional realization
and precariousness of representatives of generation Z
(based on the study of students and pedagogical workers)

*Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
(Психологический институт), Москва, Россия*

Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Проблеме образа будущего современной молодежи посвящен значительный корпус публикаций. Но исследований, затрагивающих проблему представленности содержательных и ценностно-смысловых аспектов образа будущего у современной молодежи, рассматривающих их реализацию как в реальном, так и онлайн пространствах, пока недостаточно, как и исследований факторов прекарнизации образа будущего молодых поколений, что определяет актуальность нашего исследования.

Целью работы является изучение связи образа будущего с профессиональной реализацией и precariousностью представителей поколения Z.

Выборка эмпирического исследования, проведенного в 2024 г., представлена двумя группами респондентов – студентов педагогического вуза и педагогов детских садов (143 человека в возрасте от 17 до 32 лет). В качестве эмпирических методов исследования использовались методики «Я был. Я есть. Я буду.» и их модификации, связанные с Интернет-пространством; опросник карьерных ориентаций Э. Шейн, авторский опросник precariousности А.Н. Аянян, тест жизнестойкости Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой.

Было установлено наличие значимых корреляций между высоким уровнем дифференцированности и реалистичности представлений о себе с направленностью на достижение профессиональной компетентности и ориентацией на профессиональную мобильность – готовность молодых зумеров к смене места работы и продвижению по карьерной лестнице. Важным аспектом образа будущего поколения Z является стремление к интеграции разных сторон образа жизни в будущем, включающих хобби, путешествия и саморазвитие. Результаты исследования выявили наличие

значимой обратной связи между жизнестойкостью и прекарностью. Высокие показатели уровня жизнестойкости молодежи служат фактором, способствующим снижению прекарности. Результаты также показали значимость профессиональной реализации в образе будущего современной молодежи, ее связь с учебно-познавательной мотивацией и ориентацию респондентов на обучение в настоящем и будущем (в том числе и в онлайн формате), которое рассматривается молодым поколением как средство обретения профессии, совершенствования профессиональных компетенций и саморазвития.

Ключевые слова: образ мира, образ будущего, поколение Z, современная молодежь, психологический хронотоп, представление о будущем в реальном и виртуальном пространствах, образ профессионального будущего, прекарность, жизнестойкость

Для цитирования: Аярян, А.Н., Кончаловская, М.М., Полева, Н.С. Связь представлений о будущем с профессиональной реализацией и прекарностью представителей поколения Z (на основе исследования студентов и работников педагогической сферы) // Новые психологические исследования. 2024. № 4. С. 132–156. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_04_06

Введение

Проблема образа будущего – одно из основных направлений исследований современной психологической науки. Актуальность изучения образа будущего представителей различных возрастных когорт возрастает в условиях хрупкости и неопределенности современного VANI мира (Brittle (хрупкий), Anxious (тревожный), Nonlinear (нелинейный), Incomprehensible (непостижимый)).

Распад и трансформация устоявшихся траекторий межпоколенческой трансмиссии культуры в цифровом обществе делает невозможным или крайне затруднительным передачу знаний, включая готовые модели и образы будущего, от старших поколений к младшим. Утрата преемственности значительно усложняет процесс конструирования своего будущего (индивидуального и коллективного) для молодых поколений, повышая степень его вариативности, противоречивости и сложности.

В современных психологических исследованиях используется целый ряд понятий, концептов и терминов, связанных с определением и истолкованием понятия образа будущего: «антиципация» (Анохин, 1978, 1980; Брушлинский, 2006; Ломов, Сурков, 1980); «жизненный путь личности» (Рубинштейн, 2000); «образ будущего» (Polak, 1973; Полак, 2003); «жизненная перспектива», «жизненная линия», «жизненная позиция» (Абульханова-Славская, 1991); «образ потребного

будущего» (Бернштейн, 1990); «образ желаемого будущего» (Кон, 1989); «временная перспектива», «жизненная перспектива» (Левин, 2000; Франкл, 1990; Зимбардо, Бойд, 2010; Головаха, Кроник, 1984; Головаха, 1988, 2009); «перспектива будущего», «временная перспектива», «временная ориентация», «временной аттитюд» (Нюттен, 2004; Nuttin, 1984, 1985); «концепция собственного будущего» (Обуховский, 1981; Ломов, Сурков, 1980; Горбатов, 2000); «жизненный сценарий» (Штайнер, 2018); «временная перспектива будущего» (Lens, 1986); «временной кругозор» (Фресс, 1978); «образ возможного будущего» (Леонтьев, Шелобанова, 2001); «временное будущее», «смысловое будущее» (Гинзбург, 1988); «трансперспектива» (Ковалев, 1988, 1991); «модель будущего» (Данилова, 2016); «долгосрочная ориентация личности (Нестик, 2016, 2020, 2021а, 2021b); «futures literacy» (futures-грамотность) (Miller, 2015) и др.

Помимо теоретических и эмпирических исследований, связанных с различными параметрами образа будущего, изучением влияния социально-психологических и личностных факторов на его структуру и содержание, продолжают развиваться разработка диагностического инструментария для его изучения. Среди последних публикаций заслуживает внимания пятифакторная модель сознания будущего (five-dimensional Futures Consciousness scale – FC), которая описывается через понятия временной перспективы, убеждений в необходимости действовать, открытости к альтернативам, системного восприятия и оценки будущего, заботы о других и включает способность понимать, предвидеть, готовиться и принять будущее (Ahvenharju et al., 2021).

Индивидуальный образ будущего мы рассматриваем как значимую часть образа мира. Сходную интерпретацию образа мира предлагает, в частности, В.П. Серкин – «образ мира – субъективная прогностическая модель будущего» (Серкин, 2006, с.18). Юношеский период и период ранней взрослости характеризуется завершением формирования образа мира, который понимается как образ жизни, повседневность молодых поколений, так и индивидуальное конструирование ими собственного будущего, эффективность выбора реализуемых жизненных стратегий, призванных обеспечить его достижение.

Пространственно-временная организация образа мира открывает возможность использования концепта «психологический хронотоп», разрабатываемого Т.Д. Марцинковской (Марцинковская, 2016, 2017, 2021), как теоретического основания изучения индивидуального образа будущего молодежи поколения Z.

В контексте нашего исследования основное внимание в структуре хронотопа смещается на субъективное представление о будущем пространстве-времени в его реальном и виртуальном измерении. Отметим, что понятие «субъективное» в психологическом хронотопе соотносится с пятым измерением образа мира – «квазиизмерением», по определению А.Н. Леонтьева, т.е. со значениями, которыми наполняется для субъекта картина мира (Леонтьев, 2003).

Вслед за Леонтьевым, В.П. Зинченко постулирует ценностно-смысловое измерение хронотопа, вне которого он невозможен (Зинченко, 2011, с. 91). По определению Е.В. Некрасовой, хронотоп является ценностно-смысловым пространством, обладающим своим прошлым, настоящим и будущим (Некрасова, 2003, с. 204). Кроме этого, к основным хронотопическим характеристикам жизненного пространства человека она относит «устремленность вперед, детерминацию будущим, возможностями (самодетерминация); дальное действие...» (Там же).

Такой подход, основанный на понимании связи конструируемого будущего с ценностно-смысловой направленностью личности, реализуется и в исследовании образа собственного будущего студенческой молодежи, проведенном М.С. Яницким и др. Полученные результаты подтвердили правомочность понимания образа желаемого для себя будущего как важной составляющей образа мира студенческой молодежи и его тесную связь с пространственно-временными и ценностно-смысловыми хронотопическими характеристиками. Система индивидуальных ценностей, обладая личностной значимостью и личностным смыслом для представителей поколения Z, становится источником целей самореализации в различных сферах жизни, которые ставит перед собой личность, а также определяет их направленность и способы достижения (Яницкий и др., 2019).

Таким образом, в структуру психологического хронотопа на уровне субъективных составляющих «вшито» ценностно-смысловое измерение. Акцент в исследовании смещается на содержательную сторону субъективного пространства-времени будущего, включая его реальное и виртуальное измерения.

О современной студенческой молодежи можно говорить как о представителях цифрового поколения (Digital Natives), поколении зумеров, или поколении Z, чей период рождения начинается с 2001 г. и далее – по классификации В.В. Радаева (Радаев, 2019).

Рожденные в условиях глобальной цифровизации зумеры не знают мира без Интернета, социальных сетей и гаджетов, являющихся значимой частью их картины реальности. Поколение Z сегодня репрезентирует собой современную молодежь как особую социальную группу, а ее ценности, ожидания, стремления и цели способны определять формирование направления и основных контуров будущего развития общества. Именно поэтому исследования индивидуального образа будущего современной молодежи – как наиболее пассионарной части общества – столь значимы для понимания факторов психологического благополучия, источников социальной напряженности в обществе наряду с исследованиями образа коллективного будущего (ОКБ) молодых поколений и степени его расхождения/совпадения с образом будущего общества и страны, транслируемого государством.

Значительный корпус публикаций по проблеме образа будущего современной молодежи посвящен вопросам отношения молодежи к цифровым технологиям и ИИ, их использованию в различных сферах повседневности и в основном ориентирован на настоящий момент. Работ, затрагивающих проблему представленности в индивидуальном образе будущего содержательных и ценностно-смысловых аспектов функционирования в виртуальной реальности, пока недостаточно, что также определяет актуальность нашего исследования.

Кроме этого, его актуальность и значимость связаны с тезисом о том, что именно будущее обуславливает настоящее, образ жизни молодых поколений, а также стимулирует продуктивные изменения в различных сферах повседневности. Поэтому изучение образа будущего способствует описанию и пониманию основных характеристик поколения Z, а также динамики основных трендов трансформации системы их ценностных представлений и смыслов.

Образ собственного будущего, являясь частью картины мира, всегда персонифицирован, индивидуализирован. Он детерминирован как социокультурными, так и личностными факторами и индивидуальными психологическими особенностями. Но особая роль в конструировании индивидуального образа будущего принадлежит ценностно-смысловой сфере личности представителей цифрового поколения, которая подвергается трансформациям под влиянием современного VANI мира и новой цифровой реальности.

Целью исследования является изучение связи образа будущего с профессиональной реализацией и прекарностью представителей поколения Z.

Выборку исследования составили 143 респондента в возрасте 17–32 лет. Все респонденты были разделены на две группы. Первую группу представили 75 студентов 1 курса факультета дошкольной педагогики и психологии МПГУ (17–22 лет). Вторая группа состояла из 68 воспитателей и ассистентов нескольких частных детских садов г. Москвы в возрасте от 18 до 32 лет (средний возраст 26 лет). Все участники исследования женского пола, 9 (13%) человек с полным общим образованием и при этом являются студентами ВУЗов и колледжей, 14 (21%) человек со среднеспециальным образованием, и 8 из них в процессе получения высшего образования. У 45 (66%) человек есть высшее образование. Опрашиваемые нами респонденты были ознакомлены с целями исследования и предоставили согласие на обработку своих персональных данных.

Методы исследования

Для выявления особенностей представления студентов о будущем были использованы методики «Я был. Я есть. Я буду.» (Идентичность и социализация, 2015), модифицированные нами в лаборатории психология подростка и в результате вошедшие в работу как: «Я был в Интернете. Я есть в Интернете. Я буду в Интернете» и «Сочинение о будущем в современном цифровом обществе», а также опросник карьерных ориентаций (Э.Шейн) (Социализация в мультикультурном пространстве, 2016). Для изучения прекаризации и жизнестойкости работающей молодежи нами был привлечен авторский опросник (Полева, Аянян, 2021) и Тест жизнестойкости (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Для первичной обработки данных применялась программа Microsoft Excel. Для вторичной обработки данных и определения сильной или слабой взаимосвязи между параметрами мы обращались к статистическому критерию ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

Представление о будущем

С помощью методик «Я был. Я есть. Я буду» и «Я был в Интернете. Я есть в Интернете. Я буду в Интернете» мы изучали, как молодежь представляет себя в будущем в реальном и виртуальном пространстве. Анализ ответов студентов позволил найти степень дифференцированности личностной идентичности для всей выборки. Высокий уровень дифференцированности личностной идентичности имеют 24% студентов.

Средний уровень дифференцированности личностной идентичности наблюдается у 42% первокурсников. Низкий уровень дифференцированности был представлен у 34% молодежи. Показатели дифференцированности личностной идентичности в виртуальном пространстве отражены на рис. 1.

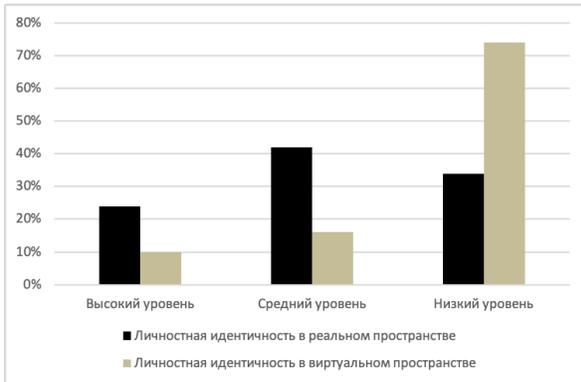

Рис.1. Дифференцированность идентичности в реальном и виртуальном пространстве

В процессе сравнения итогов двух методик – «Я был. Я есть. Я буду» и модифицированной методики «Я был в Интернете. Я есть в Интернете. Я буду в Интернете.» – мы получили результаты, показывающие, как молодые люди представляют себя в будущем в реальном и виртуальном пространстве. Анализ ответов в первой методике показал, что 36% студентов имеют интенцию на работу, 28% студентов – интенцию на общение, 16% – интенцию на романтические отношения, 4% – интенцию на обучение, 4% – интенцию на свое хобби и 2% – на воспитание детей и взросление. Не ответили на вопросы методики 4% студентов. Нет представления о своем будущем в реальном пространстве у 4% студентов.

По второй методике – «Я был в Интернете. Я есть в Интернете. Я буду в Интернете» – мы исследовали особенности личностной идентичности в цифровом пространстве. Оказалось, что у 56% студентов наблюдается интенция на общение, у 10% – интенция на работу, у 6% студентов – интенция на учебу, у 8% первокурсников – интенция на игры, у 6% – интенция на блоггинг и у 2% – на романтические отношения. Не ответили на эти вопросы 6% студентов. Оказалось, что не имеют представления о своем будущем в виртуальном пространстве 6% студентов (см. рис.2).

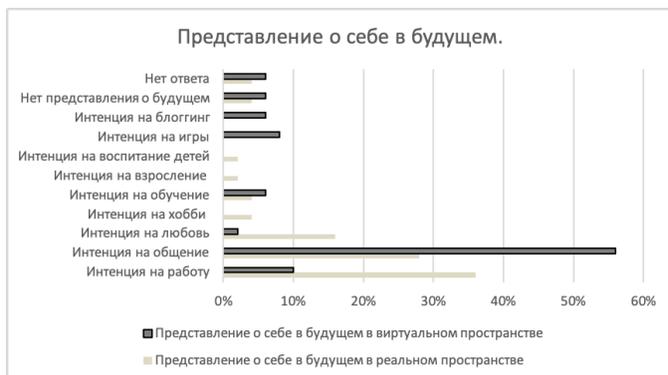

Рис 2. Особенности представления о себе в будущем в реальном и виртуальном пространстве у молодежи

В качестве дополнительных параметров мы рассматривали реалистичность представления о себе в будущем в реальном и виртуальном пространстве и отношение к себе. Высокая степень реалистичности представления о себе в будущем в реальном пространстве характерна для 42% будущих педагогов. Средняя степень реалистичности представления о себе в будущем свойственна для 54% молодежи. Низкая степень реалистичности представления о себе в будущем была у 4% студентов. (см. рис.3).

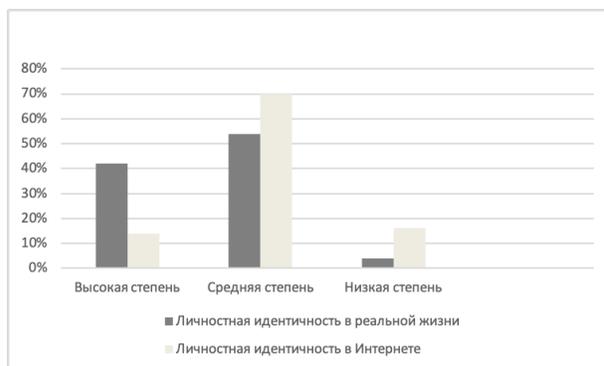

Рис 3. Реалистичность идентичности в реальном и виртуальном пространстве

Положительное отношение к себе было свойственно для 84% студентов. Амбивалентное отношение к себе – у 8% первокурсников. Отрицательное отношение к себе – у 8% будущих педагогов, соответственно. Положительное отношение к себе в Интернете – у 84% респондентов. Амбивалентное отношение к себе в Интернете – у 12% будущих педагогов. Число студентов с отрицательным отношением к себе в Интернете составляет 4%.

Мы провели исследование с помощью модифицированной методики «Сочинение о будущем в современном цифровом обществе». Студентам было предложено написать небольшой рассказ о будущем в современном цифровом обществе с нейросетями и искусственным интеллектом. В результате все респонденты написали сочинения, которые можно разделить на четыре основных блока: 1) отрицательное отношение к современному цифровому обществу; 2) положительное отношение к современному цифровому обществу; 3) амбивалентное отношение к современному цифровому обществу и 4) отсутствие ответа. Многие студенты (42%) подчеркивают преимущества развития современных технологий, обеспечивающих больше возможностей и пользу для человечества, прогресс в промышленности, экономике, медицине и социальной сфере. Негативное представление и отрицательную оценку развития современного цифрового общества имеют 28% первокурсников. Амбивалентное отношение к современному цифровому обществу выражают 16% будущих педагогов. Отсутствие ответа продемонстрировали 14% респондентов.

Карьерные ориентации Э. Шейн

В результате проведения опросника карьерных ориентаций (Э. Шейн) мы выявили структуру карьерных ориентаций респондентов. Доминирующими ориентациями среди студентов оказались: «менеджмент», «автономия», «служение» и «интеграция стилей жизни».

Процентное соотношение количества респондентов с направленностью выбора профессии в области «менеджмент» показало, что высокий уровень развития карьерной ориентации «менеджмент» был у 29% первокурсников, средний уровень – у 55% и низкий – у 16%, соответственно.

Высокий уровень карьерной ориентации «автономия» наблюдался у 45% студентов, средний уровень – у 49% и низкий – у 6%, соответственно.

Результаты исследования показали, что у 67% студентов наблюдался высокий уровень развития карьерной ориентации

«служению», у 29% – средний и у 4% – низкий уровень. Высокий уровень направленности «интеграция стилей жизни» был у 41% респондентов, средний уровень – у 53% и низкий уровень – у 6%.

Найдены существенные взаимосвязи между дифференцированностью личностной идентичности и карьерными ориентациями по опроснику Э. Шейн (см. таблицу 1.).

Таблица 1. Результаты данных коэффициентов корреляции дифференцированности идентичности и карьерных ориентаций Э. Шейн.

Карьерные ориентации по опроснику Э. Шейн.	Дифференцированность идентичности в реальной жизни r_{xy1}	Дифференцированность идентичности в Интернете r_{xy2}
1.«Профессиональная компетентность»	0,884**	0,456**
2. «Менеджмент»	0,604**	-----
3. «Стабильность места жительства»	0,617**	0,869**
4. «Вызов»	0,741**	-----
5. «Стабильность места работы»	-0,692**	-0,815**

*– $p < 0,05$, ** $p < 0,01$

Данные таблицы показывают, что существуют значительные взаимосвязи между дифференцированностью идентичности в реальной жизни и карьерными ориентациями Э. Шейн: «профессиональной компетентностью», «менеджментом», «стабильностью места жительства» и «вызовом». Была обнаружена обратная взаимосвязь между дифференцированностью идентичности и «стабильностью места работы». Таким образом, чем выше уровень дифференцированности идентичности у респондентов, тем больше у них готовность к смене места работы на более подходящее.

Не случайный, а закономерный характер данной корреляции подтверждается и материалами, раскрывающими взаимосвязь между реалистичностью идентичности в реальной жизни и виртуальном пространстве и карьерными ориентациями Э. Шейн. Оказалось, что существует значительная взаимосвязь между реалистичностью идентичности и карьерной направленностью «профессиональная компетентность» ($r_{xy1} = 0,346$ при $p < 0,05$ и $r_{xy2} = 0,864$ при $p < 0,01$) (см. табл.2). Приведенные данные показывают, что имеется су-

пещественная взаимосвязь между реалистичностью идентичности и карьерными ориентациями: «профессиональной компетентностью», «менеджментом», «вызовом», «автономией», «интеграцией стилей жизни» и «предпринимательством». (см. табл. 2).

Таблица 2. Результаты данных коэффициентов корреляции реалистичности идентичности и карьерных ориентаций Э. Шейн

Карьерные ориентации по опроснику Э. Шейн	Реалистичность идентичности в жизни r_{xy1}	Реалистичность идентичности в Интернете r_{xy2}
«Менеджмент»	0,886**	0,834**
«Вызов»	0,785**	0,726**
«Автономия»	0,870**	0,545*
«Интеграция стилей жизни»	0,652**	0,674**
«Предпринимательство»	0,752**	0,793**
«Профессиональная компетентность»	0,346*	0,864**

*– $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

Для полноценной картины нашего исследования особенностей представления о будущем и основных факторов прекаризации мы взяли вторую выборку – молодых людей, работающих по профессии педагог.

Опросник прекарности включал в себя несколько блоков вопросов, позволяющих исследовать имеющийся у респондентов опыт работы и его особенности, раскрыть особенности профессиональной идентификации, обнаружить их ведущие мотивы трудоустройства и составить мнение об удовлетворенности/неудовлетворенности различными жизненными сферами во временной перспективе.

По первому блоку вопросов, дающему возможность получить представление об опыте работы и его особенностях, были получены следующие результаты. Среди участников исследования 78% имели опыт работы без официального трудоустройства либо временной работы по договору, ограниченному во времени, или меньше года на одном месте. При этом во время проведения анкетирования 88% респондентов были трудоустроены официально и по своей профессии. Имеют опыт переработки без дополнительной оплаты 69%, однако здесь у нас нет данных, что являлось причиной задержек: неправильная самоорганизация в процессе рабочего дня и вынужденная задержка в связи с необходимостью закончить работу,

инициатива и поручения работодателя или личная инициатива респондентов. При этом опыт дополнительной оплачиваемой работы имеют 56% участников исследования. Об опыте получения оплаты труда наличными вне трудового договора рассказали 77% участников исследования. Сменили место работы более одного раза за последние три года 57% респондентов. Не имели возможности влиять на ключевые решения на своей работе 69% молодых педагогов.

Второй блок вопросов, раскрывающий моменты, связанные с профессиональной идентификацией, показал, что удовлетворены текущей работой и должностью 94% участников исследования. Среди них 71% высказали намерение продолжить или начать получать образование в обозначенной области реализации. Считают, что лучше других коллег относятся к своей работе и выполнению профессиональных обязанностей, 57% участников исследования. При этом допускают возможность или хотели бы кардинально поменять работу 59% молодых педагогов. Планируют в ближайшем будущем продолжить работать по специальности 78% опрошенных. Ориентированы на получение дополнительных знаний и повышение квалификации 72% респондентов.

Анализ ответов на вопросы из третьего блока опросника, посвященного исследованию притязаний в сфере профессиональной реализации молодых педагогов, показал, что большинство респондентов (96%) в настоящем относят себя к категории востребованных работников со стабильной занятостью и ценными знаниями, навыками и опытом, трудоустроенными официально и с пакетом социальных гарантий. В будущем предполагают, что так же будут причислены к данной категории 83% респондентов. Имеют притязания и уверенность в том, что удастся повысить свой профессионально-социальный статус и оказаться в категории представителей высшего профессионального слоя и руководителей, 17% участников исследования, но в настоящее время никто из участников исследования не отнес себя к данной категории. Что касается категории, социально незащищенной, неквалифицированной и низкооплачиваемой, то всего 4% участников исследования считают, что относятся к данной категории в настоящем времени, однако в будущем ни один респондент не видит себя, принадлежащим к этой категории.

Часть, относящаяся к исследованию мотивов трудоустройства респондентов, позволила получить данные, согласно которым по убыванию преобладают личный интерес к профессии (41%),

размер заработной платы (38%), возможности карьерного роста (12%), удобное месторасположение и график работы (8%), стечение обстоятельств и вынужденное трудоустройство (1%). При этом обращает на себя внимание, что никто среди молодых педагогов в представленной выборке не назвал в качестве ведущего мотива трудоустройства престижность и перспективность профессии.

В заключительном блоке опросника, служащем определению удовлетворенности/неудовлетворенности респондентов различными жизненными сферами во временной перспективе, были получены следующие результаты. Респондентам предлагалось выставить оценку по десятибалльной шкале (10 баллов – полностью удовлетворен, 0 баллов – полностью не удовлетворен) экономической, социальной, культурной сферам жизни и окружающей экологии в настоящее время и в будущем. (С помощью подсчета среднеарифметического значения удалось получить показатели удовлетворенности/неудовлетворенности этими областями.) В настоящем времени – в порядке убывания значимости – респонденты в представленной выборке удовлетворены культурной жизнью (7,6), экологией (5,8) и в равной степени экономической и социальной жизнью (по 5,4). Нужно отметить, что по всем категориям у респондентов оценка оказалась около и чуть выше средних значений, что позволяет нам оценить их отношение к оцениваемым сферам как удовлетворительное. Что касается прогностической оценки, то работающие педагоги весьма оптимистично и так же высоко оценивают перспективы развития культурной сферы (8,1), в отношении экономической сферы дают столь же оптимистичные прогнозы и выводят ее на второй по значимости уровень (6,8), на третьем месте отмечают социальную сферу (4,7) и на последнем месте – со значительным понижением – сферу экологии (4,2).

Таким образом, в представленной выборке среди работающей молодежи 53% респондентов мы классифицировали как представителей с низким уровнем прекарности (профильное образование, работа по профилю образования с официальным трудоустройством и гарантированным социальным пакетом больше года, перспективы профессионального роста, заработная плата выше средней по предложениям рынка труда по специальности и т.д.). 32% мы отнесли к категории со средним уровнем прекарности и всего лишь 15% участников исследования – к категории с высоким уровнем прекарности (небольшой стаж работы официально, отсутствие профильного образования – как основные критерии высокой

прекаритизации и т.д.). При этом нужно отметить, что практически у 95% участников исследования в прошлом был опыт, который можно классифицировать как высокую прекарность. Практически все участники исследования в прошлом были уязвлены в своих правах, социально незащищены и были вынуждены работать на нестабильной, малооплачиваемой, непрестижной работе. При оценке текущей ситуации респондентами обращает на себя внимание момент, что большинство довольны условиями труда, заработной платой, перспективами финансового и карьерного роста, отмечают высокую степень субъективной удовлетворенности, считают свою профессию востребованной и важной, но малопрестижной в обществе.

Одной из задач нашего исследования было изучение жизнестойкости респондентов как наличия системы убеждений, касающихся себя, мира, отношений с миром. Нужно отметить, что участники исследования прежде, чем получить занимаемую должность, прошли высокий конкурентный отбор и находятся в ситуации постоянного контроля и регулярной оценки выполняемой работы методистами и руководством. Так же они работают в ситуации видеоконтроля не только со стороны работодателя, но и клиентов сада. Таким образом, им приходится ежедневно в своей профессиональной деятельности постоянно сталкиваться с непосредственным выполнением своих прямых профессиональных обязанностей, сопряженных с непредсказуемостью, многозадачностью и высокой степенью напряжения, связанной с ответственностью за безопасность, здоровье и развитие подопечных. Следовательно, жизнестойкость является очень важной характеристикой, которая, как нам кажется, необходима для работы, совладания с трудностями и сохранения психоэмоционального благополучия. Выраженность основных компонентов жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) и жизнестойкости в целом снижает внутреннее напряжение в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых (Леонтьев, Рассказова, 2006). Методика исследования – Тест жизнестойкости, который позволяет «оценить способность и готовность человека активно и гибко действовать в ситуации стресса и трудностей или его уязвимость к переживаниям стресса и депрессивное. При этом жизнестойкость является фактором профилактики риска нарушения работоспособности и развития соматических и психических заболеваний в условиях стресса и одновременно способствует оптимальному переживанию ситуаций неопределенности и тревоги.

Жизнестойкие убеждения создают своего рода «иммунитет» к действительно тяжелым переживаниям» (Леонтьев, Рассказова, 2006).

В представленной выборке наиболее выраженным показателем оказался компонент вовлеченности – 34,2. Данный компонент отвечает за удовольствие от собственной деятельности, когда человек уверен в своих силах и в том, что мир благосклонен к нему. Нужно отметить, что респондентам пришлось приложить значительные усилия, чтобы трудоустроиться, учитывая высокие требования к соискателям. Также по данным опросника перкарности респонденты отмечали высокий интерес и удовлетворённость своей профессией. Шкала контроля (22,4) отвечает за убежденность в том, что борьба и проактивные действия позволяют повлиять на результат происходящего, пусть и не в полной мере и не во всем и всегда. Шкала принятия риска (11,7) демонстрирует убежденность человека в том, что его развитие и успех зависят от столкновения с различными ситуациями, где опыт, полученный в независимости от модальности, можно использовать как зону роста и развития.

Респондентам ежедневно на своем рабочем месте непосредственно приходится постоянно предпринимать проактивные действия, чтобы избежать негативных последствий и предотвратить травматизм, вовремя успеть выполнить поставленные задачи и не нарушить режим, провести занятие, сводить на прогулку, накормить и уложить спать воспитанников. Мы можем как объективно оценить, так и предположить субъективное отношение и оценку своих непосредственных профессиональных задач участниками исследования как требующих большого психоэмоционального напряжения и ответственности. В связи с этим высокую жизнестойкость можно рассматривать как один из факторов, благоприятно влияющих на успешное выполнение работы, преодоление трудностей и сохранение своего психоэмоционального благополучия.

Для выявления коэффициента корреляции между жизнестойкостью и прекарностью мы посчитали эти соотношения на основании полученных данных по опроснику прекарности и тесту жизнестойкости. Анализ корреляций полученных результатов показал наличие значимой обратной связи между жизнестойкостью и прекарностью ($r_{xy1} = -0,709^{**}$) при ($p < 0,01$), что подтверждает наше предположение о том, что высокий уровень жизнестойкости связан с невысокой прекарностью.

Заключение

У респондентов с высоким уровнем дифференцированности личностной идентичности в реальном и виртуальном пространстве ярко выражена карьерная ориентация, профессиональная компетентность. Студенты стремятся к признанию, не избегают ответственности, требовательны к себе, настроены на развитие своих профессиональных способностей и навыков педагога. Они готовы к работе в учебных заведениях, а также к онлайн обучению.

Будущие педагоги с дифференцированной идентичностью в реальном и виртуальном пространстве готовы менять место работы, если это даст им возможность роста и нового обучения, но при этом не хотят менять свой дом, где они живут. Они готовы к конкуренции с другими людьми, преодолено различных препятствий и решению трудных профессиональных задач.

У респондентов со сформированной личностной идентичностью, высоким уровнем реалистичности в реальной жизни и виртуальном формате, с четкими представлениями о своих профессиональных, социальных и личностных особенностях: как в настоящем, так и в будущем преобладают следующие карьерные ориентации: профессиональная компетентность, менеджмент, вызов, автономия, интеграция стилей жизни и предпринимательство. Они хотят быть мастерами своего дела, достичь успеха в профессиональной сфере. Студенты планируют управлять и организовывать других людей, ответственны за конечный результат. Они не любят организационные правила и ограничения, хотят все делать по-своему и быть независимыми. Первокурсники стремятся к тому, чтобы у них были сбалансированы разные стороны жизни: и семья, и карьера, а также саморазвитие. Будущие педагоги предпочитают создавать что-то новое, свои спортивные и лингвистические школы, а также психологические центры, преодолевать препятствия и готовы к риску.

Работающие педагоги в представленной выборке имели опыт профессиональной деятельности по выбранной специальности. На текущем месте работы отмечают высокую степень субъективной удовлетворенности работой по профессии в соответствии с полученным (получаемым) образованием и призванием, также удовлетворены материальным вознаграждением за свою работу, отмечают поддержку коллег и методическое сопровождение своей деятельности, оценивают свою профессию как социально значимую и необходимую, но при этом малопрестижную в обществе. В будущем нацелены на собственный финансовый и карьерный

рост, но негативно оценивают общее социальное и экологическое благополучие. Стабильно высоко оценивают сферу культуры.

Нужно отметить, что в представленной выборке среди работающих молодых педагогов наблюдается высокая жизнестойкость в целом и компонент вовлеченности в частности, что можно рассматривать как один из ключевых моментов, который помогает справиться с трудностями в профессии, сопряженной с высокой ответственностью и психоэмоциональным напряжением.

Значимой составляющей образа будущего как у студентов – педагогов, так и у работающих педагогов является самореализация в профессиональной деятельности и достижение профессиональной компетентности. При этом образ профессионального будущего связан с учебно-познавательной мотивацией и включает в себя обучение в настоящем и будущем (в том числе, и в онлайн формате), которое рассматривается молодым поколением как средство обретения профессии, совершенствования профессиональных компетенций и саморазвития.

Ограничения

Особенности выборки в плане гендерного состава и профессиональной направленности ограничивают экстраполяцию выводов об особенностях образа будущего на всех представителей поколения Z и, скорее, адекватны для данной выборки.

Выводы об особенностях образа будущего поколения Z сделаны на основе обобщения результатов двух разных исследований, имеющих свои выборки, свой собственный дизайн и отличающихся диагностическим инструментарием.

К ограничениям следует отнести сложности с дифференциацией возрастных и поколенческих особенностей образа будущего. Так, например, связь позитивной оценки респондентами перспектив использования ИИ и цифровых технологий в целом с их представлениями об образе будущего можно интерпретировать и как особенность возраста, и как особенность поколения Z.

Благодарность

Статья выполнена в рамках госзадания, FNRE-2024-0016 «Психологические эффекты цифровизации образовательной среды: возможности когнитивного и личностного развития и риски социализации».

Литература

- Абдулханова-Славская, К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Анохин, П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980.
- Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Бернштейн, Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука. 1990.
- Брушлинский, А.В. Избранные психологические труды. М.: Ин-т психологии РАН, 2006.
- Гинзбург, М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 19–27.
- Головаха, Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов: [хрестоматия]. СПб.: Питер, 2009. С. 262–276.
- Головаха, Е.И. Жизненные перспективы и профессиональное самоопределение. Киев: Наукова Думка, 1988.
- Головаха, Е.И., Кроник, А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова Думка, 1984.
- Горбатов, С.В. Концепция собственного будущего как фактор регуляции поведения несовершеннолетних. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 2000.
- Данилова, Н.С. Модель структурной организации образа будущего в юношеском возрасте // Весник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3: Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. 2016. №6(3). С.147–153.
- Зимбардо, Ф., Бойд, Дж. [Zimbardo Ph., Boyd J.] Парадокс времени. СПб.: Речь, 2010.
- Зинченко, В.П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
- Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик / Отв. ред. Т.Д. Марцинковская. М.: МПГУ, 2015.
- Ковалев, В.И. Категория времени в психологии (личностный аспект) // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Ин-т психологии, 1988. С. 216–230.
- Ковалев, В.И. Личностное время как предмет психологического исследования // Психология личности и время: тезисы докладов и сообщений Всесоюзной науч.теоретич. конференции (22–25 апреля 1991 г.) / Отв. ред. В. И. Ковалев и др. Черновцы: ЧГУ, 1991. Т. 1. С. 4–8.

- Кон, И.С. Психология ранней юности: книга для учителя. М.: Просвещение, 1989.
- Левин, К. [Lewin K.] Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
- Леонтьев, А.Н. Образ мира // Мир психологии. 2003. №4(36). С.11–18.
- Леонтьев, Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Леонтьев, Д.А., Шелобанова, Е.В. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57–65.
- Ломов, Б.Ф., Сурков, Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
- Марцинковская, Т.Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.366>
- Марцинковская, Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл. 2016.
- Марцинковская, Т.Д. Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 31–45. DOI: 10.51217/prsyresearch_2021_01_02_02
- Некрасова, Е.В. Хронотоп и хронотопические характеристики человека как психологической системы // Ползуновский вестник. 2003. № 3–4. С. 203–210.
- Нестик, Т.А. Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования // Психологический журнал. 2021а. Т. 42. № 4. С. 194–204. DOI: 10.38098/univ.2020.55.72.013
- Нестик, Т.А. Долгосрочная ориентация личности // Разработка понятий в современной психологии. Сер. «Методология, история и теория психологии» / Ответ. ред. А.А. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Институт психологии РАН, 2021б. Том 3. С. 538–565. DOI: 10.38098/thry_21_0439_16
- Нестик, Т.А. Долгосрочная ориентация личности: состояние и перспективы исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3(19). С. 110–140. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005.
- Нестик, Т.А. Социально-психологические механизмы долгосрочной ориентации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. №4(4). С. 16–60. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g16/t1-4/s16-4-02.html> (дата обращения 14.09.2024)

- Нюттен, Ж. [Nuttin J.]. Мотивация, действие и перспектива будущего М.: Смысл, 2004.
- Обуховский, К. [Obuchowski K.] Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности / Ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1981. С. 45–67.
- Полак, Ф. [Polak F.] Образ будущего // Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики. М.: Изд-во Эксмо, 2003.
- Полева, Н.С., Аянян, А.Н. Транзитивность как фактор прекаризации повседневности // Новые психологические исследования. 2021. № 1. С. 29–53. DOI: 10.51217/npysyresearch_2021_01_01_02
- Радаев, В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
- Рубинштейн, С.А. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
- Серкин, В.П. Пять определений понятия «образ мира» // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2006. № 1. С. 11–19.
- Социализация в мультикультурном пространстве / Отв. ред. Т.Д. Марцинковская. М.: МПГУ, 2016.
- Франк, В. [Frankl V.] Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фресс, П. [Fraisse P.] Восприятие и оценка времени / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1978. С. 88–135.
- Штайнер, К. [Steiner C.] Сценарии жизни людей. СПб.: Питер, 2018.
- Яницкий, М.С., Серый, А.В., Браун, О.А., Балабашук, Р.О. Ценностно-смысловая направленность и социокультурные детерминанты образа собственного будущего студенческой молодежи // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 30. С. 92–103. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.30.92>
- Ahvenharju, S., Lalot, F., Minkinen, M., & Quiazade, A. Individual futures consciousness: Psychology behind the five-dimensional Futures Consciousness scale // Futures. 2021. Vol. 128. P. 102–708. DOI: 10.1016/j.futures.2021.102708
- Lens, W. Future Time Perspective: A cognitive-emotional concept / In D.R. Brown, J. Veroff (Eds.), *Frontiers of motivational psychology*. New York: Springer-Verlag, 1986. P. 173–190.
- Miller, R. Learning, the future, and complexity. An essay on the emergence of futures literacy // *European Journal of Education*. 2015. Vol. 50. No. 4. P. 513–523. DOI: 10.1111/ejed.12157
- Nuttin, J. *Future time perspective and motivation*. Leuven: Leuven University Press, 1985.
- Nuttin, J. *Motivation, planning and action: a relational theory of behavior dynamics*. Leuven: Leuven University Press, 1984.

Polak, F. *The Image of the Future*. Amsterdam. New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973.

Сведения об авторах

Анна Н. Аянян, магистр психологии, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Психологический институт), Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; *parbomenkoanna86@mail.ru*

Маргарита М. Кончаловская, кандидат психологических наук, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Психологический институт), Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; *konch_m@mail.ru*

Наталья С. Полева, кандидат психологических наук, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Психологический институт), Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; Московский институт психоанализа, Москва, Россия; 121170, Россия, Москва, Кутузовский пр., д. 34, стр. 14; *npoleva@mail.ru*

Ayanyan A.N., Konchalovskaya M.M., Poleva N.S.

Relationship of perceptions of the future with professional realization and precarity of representatives of generation Z
(based on the study of students and pedagogical workers)

*Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research
(Psychological Institute), Moscow, Russia
Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia*

A significant body of publications is devoted to the problem of the image of the future of modern youth. But the studies touching upon the problem of representation of substantive and value-semantic aspects of the image of the future of contemporary youth, related to their realization both in real and online spaces are still insufficient, as well as studies of the factors of precarity of the image of the future of young generations, which determines the relevance of our study.

The purpose of the study is to investigate the relationship of image with professional realization and precarity of Generation Z representatives.

The sample of the empirical study conducted in 2024 is represented by two groups of respondents – students of pedagogical university and kindergarten teachers (143 people aged 17 to 32 years). As empirical research methods we used the methods “I was. I am. I will be.” and their modifications related to the Internet space; career orientation questionnaire by E. Shein, author’s questionnaire of precarity by A.N. Ayanyan, resilience test by D.A. Leontiev, E.I. Rasskazova.

The study established the presence of significant correlations between the high level of differentiation and realistic self-perceptions with the focus on achieving professional competence and orientation to professional mobility – the readiness of young Zoomers to change jobs and move up the career ladder. An important aspect of the image of the future generation Z is the desire to integrate different aspects of lifestyle in the future, including hobbies, traveling and self-development. The results of the study revealed a significant inverse relationship between resilience and precarity. High levels of youth resilience are a contributing factor in reducing precarity. The results of the study showed the significance of professional realization in the image of the future of modern youth, its connection with learning and cognitive motivation and orientation to learning in the present and future (including online format), which is considered by the young generation as a means of acquiring a profession, improving professional competencies and self-development.

Key words: image of the world, image of the future, generation Z, modern youth, psychological chronotope, representation of the future in real and virtual spaces, image of professional future, precarity, resilience

For citation: Ayanyan, A.H., Konchalovskaya, M.M., Poleva, N.S. (2024). Relationship of perceptions of the future with professional realization and precarity of representatives of generation Z (based on the study of students and pedagogical workers). *New Psychological Research*, No. 4, 132–156. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_04_06

Acknowledgment

The article was prepared within a state task, project FNRE-2024-0016 «Psychological effects of digitalization of the educational environment: opportunities for cognitive and personal development and socialization risks».

References

- Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1991). *Strategy of life*. Moscow: MysP.
- Ahvenharju, S., Lalot, F., Minkkinen, M., & Quiamzade, A. (2021). Individual futures consciousness: Psychology behind the five-dimensional Futures Consciousness scale. *Futures*, 128, 102708. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102708>
- Anokhin, P.K. (1978). *Philosophical aspects of the theory of functional system*. Moscow: Nauka.
- Anokhin, P.K. (1980). *Nodal questions of the theory of functional system*. Moscow: Nauka.
- Bernstein, N.A. (1990). *Physiology of movements and activity*. Moscow: Nauka.
- Brushlinsky, A.V. (2006). *Selected psychological works*. Moscow: In-t psikologii RAN.

- Danilova, N.S. (2016). Model of structural organization of the image of the future in adolescence. *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhajnaga jniversiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 3: Filalogiya. Pedagogika. Psichalogiya*, 6(3), 147–153.
- Frankl, V. (1990). *Man in search of meaning*. Moscow: Progress.
- Fress, P. (1978). Perception and evaluation of time. In P. Fress, J. Piaget (Eds.), *Experimental psychology* (pp. 88–135). Moscow: Progress.
- Ginzburg, M.R. (1988). Personal self-determination as a psychological problem. *Voprosy psichologii*, 2, 19–27.
- Golovakha, E.I. (1988). *Life prospects and professional self-determination*. Kiev: Naukova Dumka.
- Golovakha, E.I. (2009). Life perspective and value orientations of personality. In *Psychology of personality in the works of Russian psychologists* (pp. 262–276). St. Petersburg: Piter.
- Golovakha, E.I., & Kronik, A.A. (1984). *Psychological time of personality*. Kiev: Naukova Dumka.
- Gorbatov, S.V. (2000). The concept of own future as a factor in the regulation of juvenile behavior (Doctoral dissertation). St. Petersburg State University, St. Petersburg.
- Kon, I.S. (1989). *Psychology of early adolescence: A book for teachers*. Moscow: Prosvetshenie.
- Kovalev, V.I. (1988). The category of time in psychology (personal aspect). In L.I. Antsyferova (Ed.), *Categories of materialistic dialectics in psychology* (pp. 216–230). Moscow: In-t psikhologii.
- Kovalev, V.I. (1991). Personal time as a subject of psychological research. In V.I. Kovalev et al. (Eds.), *Psychology of personality and time: Theses of reports and messages of the All-Union scientific theoretical conference (April 22–25, 1991)* (Vol. 1, pp. 4–8). Chernivtsi: ChGU.
- Lens, W. (1986). Future time perspective: A cognitive-emotional concept. In D.R. Brown & J. Veroff (Eds.), *Frontiers of motivational psychology* (pp. 173–190). New York: Springer-Verlag.
- Leontiev, A.N. (2003). The image of the world. *Mir psichologii*, 4(36), 11–18.
- Leontiev, D.A., & Rasskazova, E.I. (2006). *Test of viability*. Moscow: Smysl.
- Leontiev, D.A., & Shelobanova, E.V. (2001). Professional self-determination as the construction of images of possible future. *Voprosy psichologii*, 1, 57–65.
- Lewin, K. (2000). *Field theory in the social sciences*. St. Petersburg: Rech'.
- Lomov, B.F., & Surkov, E.N. (1980). *Anticipation in the structure of activity*. Moscow: Nauka.
- Martsinkovskaya, T.D. (2016). *Culture and subculture in the space of the psychological chronotope*. Moscow: Smysl.

- Martsinkovskaya, T.D. (2017). Internal form of psychological chronotope. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 10(54). <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.366>
- Martsinkovskaya, T.D. (2021). New methodology for studying the transitivity of the life space of a changing personality. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, 2, 31–45. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_02_02
- Martsinkovskaya, T.D. (Ed.). (2015). Identity and socialization in the modern world: Collection of methods. Moscow: MPGU.
- Martsinkovskaya, T.D. (Ed.). (2016). *Socialization in multicultural space*. Moscow: MPGU.
- Miller, R. (2015). Learning, the future, and complexity: An essay on the emergence of futures literacy. *European Journal of Education*, 50(4), 513–523. <https://doi.org/10.1111/ejed.12157>
- Nekrasova, E.V. (2003). Chronotope and chronotopic characteristics of a person as a psychological system. *Polzunovskii vestnik*, 3–4, 203–210.
- Nestik, T.A. (2016). Social and psychological mechanisms of long-term orientation. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 1(4), 16–60. Retrieved from <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g16/t1-4/s16-4-02.html>
- Nestik, T.A. (2020). Long-term orientation of personality: State and prospects of research. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 5(3)(19), 110–140. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005>
- Nestik, T.A. (2021a). Social-psychological prerequisites and types of long-term orientation: Results of an empirical study. *Psikhologicheskii zhurnal*, 42(4), 194–204. <https://doi.org/10.38098/univ.2020.55.72.013>
- Nestik, T.A. (2021b). Long-term orientation of personality. In A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Kharlamenkova, & G.A. Vilenskaya (Eds.), *Development of concepts in modern psychology. Series: Methodology, History, and Theory of Psychology* (Vol. 3, pp. 538–565). Moscow: Institut psikhologii RAN. https://doi.org/10.38098/thry_21_0439_16
- Nuttin, J. (1984). *Motivation, planning and action: A relational theory of behavior dynamics*. Leuven: Leuven University Press.
- Nuttin, J. (1985). *Future time perspective and motivation*. Leuven: Leuven University Press.
- Nuttin, J. (2004). *Motivation, action and future perspective*. Moscow: Smysl.
- Obuchowski, K. (1981). Psychological theory of the structure and development of personality. In L.I. Antsyferova (Ed.), *Psychology of personality formation and development* (pp. 45–67). Moscow: Nauka.
- Polak, F. (1973). *The Image of the Future*. Amsterdam, London, New York: Elsevier Scientific Publishing Company.

- Polak, F. (2003). The Image of the Future. In I.V. Bestuzhev-Lada (Ed.), *The World of Our Tomorrow: Anthology of Modern Classical Prognostics* (pp. 220–232). Moscow: Izdatel'stvo Eksmo.
- Poleva, N.S., & Ayanyan, A.N. (2021). Transitivity as a factor of precarization of everyday life. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, 1, 29–53. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_01_02
- Radaev, V.V. (2019). *Millennials. How Russian society is changing*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Rubinstein, S.L. (2000). *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter.
- Serkin, V.P. (2006). Definitions of the concept “image of the world.” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*, 1, 11–19.
- Steiner, C. (2018). *Scenarios of human life*. St. Petersburg: Piter.
- Yanitsky, M.S., Gray, A.V., Brown, O.A., & Balabashchuk, R.O. (2019). Value-semantic orientation and sociocultural determinants of the image of their own future of student youth. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya*, 30, 92–103. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.30.92>
- Zimbardo, F., & Boyd, J. (2010). *The Paradox of Time*. St. Petersburg: Rech'.
- Zinchenko, V.P. (2011). Values in the structure of consciousness. *Voprosy filosofii*, 8, 85–97.

Information about the authors

Anna N. Ayanyan, Master (Psychology), Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Psychological Institute), Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Russia, Moscow, 125009; parbomenkoanna86@mail.ru

Margaret M. Konchalovskaya, Ph.D (Psychology), Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Psychological Institute), Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; konch_m@mail.ru

Natalia S. Poleva, Ph. D (Psychology), Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Psychological Institute), Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Russia, Moscow, 125009; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; bld. 14–34, Kutuzovskiy prospect, Moscow, Russia, 121170; npoleva@mail.ru